

МОРФА

Анжота Соколова

Анюта Соколова
Морфа
Серия «Фантастика. XXI век»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67754576

ISBN 978-5-907403-37-6

Аннотация

«Создания Бездны, морфы суть чудовища...»

Представьте, что вы остались единственным представителем некогда могущественной расы, которую боятся и презирают. Разве вы не стремились бы отомстить? Если бы у вас отобрали всё – дом, семью, даже собственное имя. Теперь он/она (морфы не имеют пола) зовётся первыми буквами названия рода – Кириани Нератс. КН. Каэн хочет лишь одного: чтобы его/её оставили в покое, позволили честно зарабатывать, применяя врождённый дар изменять свой облик по желанию. Но как бы не так! Морфу втягивают в политические интриги, опасные для жизни. А чего ещё ждать от людей?

Анюта Соколова

Морфа

*Посвящается той, что, творя свои миры,
подарила идею и силы для создания моего*

Я шла прогулочным шагом по главной улице Айгера. Низкое зимнее солнце ещё светилося в окнах верхних этажей, но сгущавшийся полумрак внизу улицы и постепенно загорающиеся мерцающие огоньки светильников в лавках настойчиво напоминали мне о необходимости поторапливаться. На месте я должна быть к седьмому часу вечера.

– Дражайшая леди, заходите к нам! Самые лучшие в столице артефакты! Талисманы на удачу, амулеты от порчи и сглаза...

Наверно, я посмотрела на мальчишку-зазывалу так, что он мгновенно скрылся в недрах этой самой лавки – явно за упомянутым амулетом. Я хмыкнула. Настроение, испорченное с утра, начало улучшаться.

За поворотом – яркий свет фонарей и блеск витрин. Центральная площадь. У ратуши выстроилась вереница экипажей – начальство разъезжается, приём окончен. Столичные служащие могут позволить себе держать выезд, даже не одного – двух строгов. Холёные животные нетерпеливо помахивали крыльями, мощные когти царапали мостовую. Я с любопытством взглянула на необычную пару в сторонке,

привлѣкшую моѣ внимание. Чѣрные, лоснящиеся, с раздражѣнно качающимися из стороны в сторону хвостами – не купированными, а натуральными, локтей семь длиной. Рискованно, в полѣте могут и перевернуть карету, и задеть проносящихся мимо встречных. Хотя какая мне разница? Дурак хозяин или нахал – я пешком хожу. Ножками, не спеша, не таясь, не скрываясь.

Почувствовав меня, строги забеспокоились. Зафыркали, зашипели, некоторые аж попытались взлететь мне навстречу. Возницы заругались, поминутно поминая Бездну и демонов, а я скромно потупила взгляд и поторопилась пройти мимо. Демоны – это хорошо, конечно, но вдруг у кого-то хватит ума связать милую пожилую леди и рвущихся к ней зверей.

На дальнем конце площади собралась толпа – как раз у памятника королю Гаварду, который век пытающемуся бронзовой дланью указать своим подданным путь к просветлению. Поскольку волей тогдашнего градоправителя (а вернее, его же чувству юмора) статую установили так, что рука в перчатке упиралась в увеселительное заведение, прячущееся под целомудренной вывеской «Райская обитель», подданные уже с три столетия следовали его рекомендации: весѣлый дом процветал, а Гаварда в народе любили и почитали больше всех королей Алерии. Перед его благоволящим ликом назначали свидания, целовались парочки и обожали выступать бесчисленные проповедники и пророки, а то и свя-

тые – по их собственным уверениям.

Сегодня жители славной столицы Айгер с интересом обступили крошечную, сгорбленную и сморщенную старушонку в линялом сером балахоне жрицы Неназываемого, но с непокрытой головой. Если не ошибаюсь, страшное преступление у храмовников. Седые спутанные волосы падали скрученными жгутами, скрывая часть лица и выставляя на обозрение лишь длинный острый нос да выплёвывающий проклятия рот.

– Создания Бездны, морфы суть чудовища, безликие, бездушные, проклятые нашим Богом и не принятые дьяволом! Вид их ужасен настолько, что ад не вынес их уродства и выплюнул в мир, как наказание людям! Страшитесь их, не приближайтесь, обходите стороной! Они являются вам в образах прекрасных дев и юношей, самых дорогих и утраченных возлюбленных, соблазняют совершенством тела! Но это фальшь, под которой жуткие бесформенные клубки слизи, принимающие ваш облик, стоит лишь им коснуться вас своими погаными руками...

Вещавшая брызгала слюной и потрясала сухими кулачками. Собравшиеся слушали с усмешкой, молодёжь и вовсе дурачилась. Но люди постарше хмурились, а какая-то пышно разодетая тётка и вовсе осенила себя знаком Святого Берге, отводящем дурное. Я лишь покачала головой. Король Фернар, внук Гаварда, тридцать лет назад издал указ, по которому все разумные виды – морфы, винари и люди – уравни-

вались в правах великого королевства Алерии. Теперь, обнаружив исчадие ада, его нельзя было тащить на плаху или костёр, а следовало поставить на учёт и организовать должный контроль. Несколько винари, по слухам, находились в столице вполне легально. Только морфы, уничтожаемые веками, как-то не стремились проявлять себя и пополнять переписи населения. Наверно, потому, что переписывать было уже некого.

– Отродья дьявола, богомерзкие и богопротивные, не должны жить среди нас, скрываясь за небесными ликами! Гоните их обратно в Бездну, прячьте тело своё, не давайте над собой надругаться! Проклятые морфы могут быть рядом с вами, маскироваться под ваших родных и друзей, жён и мужей!

– Ну-ну, – добродушно заметил пышноусый мужчина рядом со мной, – так вот жёнке в ответ на её приставания и заявлю: не лапай меня, дорогуша, вдруг ты клятая морфа!.. Леди, посудите, до чего можно умом тронуться! Этих тварей и на свете-то не осталось, а всё нас пугают! Последнюю морфу, почитай, лет сто назад сожгли!

Я вежливо улыбнулась. В столице-то – да, а вот в глуши костры горели вплоть до указа Фернара. И попадали на них по малейшему подозрению, любому доносу, даже таких вот, полоумных. Окинула цепким взглядом спятившую жрицу: надо запомнить на всякий случай. И продолжила путь по улице Звонарей в квартиру, которую снял на время нашего пребы-

вания в Айгере Лейк.

Он уже караулил меня, нетерпеливо прохаживаясь у подъезда – высокий, статный, стройный, снежноволосый и светлокожий красавец с безупречно правильными чертами лица, чистокровный перворождённый, воплощённая мечта всех девиц и неизбежный кошмар их мужей. Я подошла вплотную и лишь затем соизволила кивнуть – благожелательно, как и подобает добропорядочной леди.

– Госпожа?.. – растерялся Лейк.

– Надеюсь, ты договорился об ужине? – проворчала я. –
Время терпит, а я хочу есть.

Мой непрощенный друг, неугомонный компаньон, неисправимый стихоплёт и романтик распахнул во всю ширь свои бездонные, цвета полуденного неба глазищи и всмотрелся в меня:

– Каэн?!

– Если ужина нет – то нет! – отрезала я. – Ищи своему заказчику другого идиота, готового тащиться куда-то на ночь глядя с пустым желудком!

Юноша расплылся в улыбке:

– Ужин на столе, ванна приготовлена, одежда разложена.

– Изображение?

– Объёмное в полный рост, – отрапортовал парень.

Я кивнула и прошла в дом. Как и вчера, чуть не заблудилась. Как можно плутать в двух лестницах и трёх коридорах – не понимаю! И где в эти моменты моё хвалёное про-

странственное чутьё?! Решила пойти на запах... О, рагу на рёбрышках! Надо отдать Лейку должное, своё гордое звание моего напарника он оправдывает с лихвой.

— Каэн, — лёгок на помине! — Так ты примешь заказ?

— Посмотрим.

— Я к чему, — под моим суровым взглядом юноша стушевался, — от квартиры отказываться? Или проплатить и оставить за нами?

Неопределённо пожала плечами. Квартира хорошая, в центре Айгера. Два выхода, смежные комнаты, отдельная ванна. Квартирная хозяйка — почтенная вдова, нелюбопытная, падкая на деньги и за двойную оплату держащая язык за зубами.

— Этот заказчик — интересный тип, — продолжал крутиться рядом Лейк. — Настаивает, что цель сообщит только по прибытии на место. Зато платит золотом! За три дня — пять сотен!

Я присвистнула, не думая, как это выглядит при моём облике пожилой, благостной леди с постным выражением строгого лица. Лейк спрятал смех. Пять сотен! Можно несколько лет спокойно путешествовать по стране, наслаждаться жизнью и ни о чём не заботится. А мой спутник в дороге станет не высматривать моих возможных убийц, а охмурять девиц и кропать свои стишки. Но столь высокая плата означает, что речь зайдёт не о простой подмене дельца, пытающегося присутствовать на двух сделках одновременно.

– Как он на тебя вышел и что тебе о нём известно? – спросила я, заходя в комнату, попутно стягивая ненавистное платье с жёстким корсетом и туфли на каблуках. Старческая сморщенная грудь под сорочкой вызвала усмешку. Уродливые тряпки метнула Лейку:

– Сожги, пожалуйста.

Юноша кивнул, задумчиво склонил голову, рассматривая меня:

– Каэн, а всё-таки... сколько тебе лет на самом деле?

– Много, – усмехнулась я. – Лей, мы это проходили. Не увиливай. Я ем – ты рассказываешь. Начинай!

Парень плюхнулся в кресло, развалился, вытянул длинные ноги... Хорош! Недаром последняя его пассия полночи рыдала, не желая расставаться. Одна снежная грива ниже лопаток чего стоит – ухоженная, спадающая мягкими, блестящими волнами. Вот только на меня его чары не действуют, что вначале винари бесило, потом – раздражало, затем – задевало, после чего мы пришли к взаимному выжиданию. Лей надеется меня переупрямить, я – что он однажды успокоится и отстанет.

– Явился этот тип к Ивасу с рекомендательным письмом. От Сарга... помнишь такого? Ты ещё его дочку изображала. Как нашёл – демоны его знают, сказал только, что, мол, слухами Айгер полнится. Из себя – крепкий мужик средних лет, военная выправка налицо, армейский или бывший гвардеец. И точно – телохранитель.

Я оторвалась от рагу и нахмурилась:

– Почему?

– Поведение говорит само за себя. Мы встречались в ресторане Иваса ранним вечером. Полно посетителей, суета. Он мгновенно оглядел всех, особенно задержал внимание на оружии, даже обычных ножах, прикидывая возможности каждого. А потом сел так, чтобы перекрыть подходы к нашему столику. Привычка!

Кивнула. В этом вопросе Лейку можно доверять. Свояк свояка...

– Он сразу сказал, что подробности только при личной встрече. А до того хочет оценить степень схожести с оригиналом, для чего передал записку и костюм, роскошный, кстати! Ты опять будешь вращаться в высшем свете!

– Пока я не знаю, возьмусь ли за заказ. Пять сотен – заманчивое предложение, но не забывай, Лей, что в Бездне деньги ни к чему. Ты проследил?

Парень показательно надулся:

– Обижаешь! Гостиница «Уют», довёл до двери, посмотрел записку в книге посетителей. Номер сняли утром, на два дня. Леди Гион и господин Берг, сопровождающий. Аккуратно расспросил прислугу о указанной даме, удалось узнать лишь что брюнетка, относительно молода, недурна собой, капризна и придирается к мелочам.

Если уж винари с его природным очарованием ничего не добился от гостиничных сплетниц, то к описанию леди Ги-

он смело можно прибавить осторожность и серьёзность задуманного.

– Каэн, – голос Лейка приобрёл свойственную его расе мелодичность, верный признак того, что юноша волнуется, – я отметил кое-что ещё. Этот сопровождающий, Берт, хотел обставить всё так, будто он только что прибыл издалека. Однако сапоги его сделаны в Айгере, есть клейма. И куртка, тоже ношенная, сшита столичным портным. В гостиницу они приехали рано утром на свежих строгах – неужели летели ночью?!

– Молодец, – похвалила я парня, – это нам пригодится... Что ж, пойду, гляну на заказ.

Заказ впечатлил... Бездна! Всё в нём вопило – лорд! Надменная посадка головы, гордый разворот плеч, упрямо выставленный подбородок. Светло-русые волосы своей длиной до лопаток несколько противоречили мужественным чертам лица, зато гармонировали с серо-голубыми глазами. Короткие, но пышные ресницы словно обводили эти зеркала души тёмной каймой, отчего взгляд казался презрительным и холодным. Высокомерный изгиб губ, строго сдвинутые брови. Опешив от эдакого воплощения знатности и власти, я несколько раз выдохнула и лишь затем начала рассматривать подробности. Чуть заметные следы в уголках губ... вряд ли он улыбается, скорее, усмехается. Гладкие щёки и подбородок – щетина не растёт, магически усиленная кровь. Её же проявления отмечаются в необычном смуглом цвете кожи

и в высоком росте... Мне хватит массы тела? Хорошо, что хоть мускулами не перекачан, чем грешат многие представители высокородных, в чьих венах магии зачастую больше, чем крови. Было бы здорово, если бы изображение не было прикрыто одеждой, и совсем неподобно – когда б имелась возможность коснуться. Но, вопреки общему мнению, дотрагиваться необязательно. А вот ауру считать – необходимо, для того и одежда.

Я оценила качественный крой костюма, повела ладонью над тканью. Интересная аура. Яркая, светлая, чистая, юная. Не видела бы облик – никогда бы не соотнесла одно с другим. Удивительно! Дар присутствует, не полностью развитый... Магия ветра. Жаль, что одна, остальные мои стихии будут изнывать от скуки и глухо ворчать, ворочаясь внутри, словно строги со связанными крыльями. Но рисковать не стоит, вдруг рядом окажется достаточно сильный маг и заметит разницу. Такие мелочи когда-то погубили не одного моего сородича. Я училась на их ошибках.

– Через четверть часа буду готова, – сказала Лейку.

Прошла в ванную, стащила сорочку... было бы время – разодрала бы это старушечье тряпье на мелкие лоскуты! Ограничилась тем, что уничтожила метко пущенным заклинанием. С удовольствием погрузилась в тёплую воду с добавлением благовоний. Прикрыла глаза, глубоко вздохнула...

* * *

– Маени, меняться больно?

– Неприятно. Со временем ты привыкнешь.

– А если я не захочу принимать другой облик?

– Глупыш... Будешь жить всю свою долгую-долгую жизнь с одним и тем же лицом? В одном теле? Навсегда выберешь, кто ты – отец или мать?

– Мне нравится моё лицо, – насупившись, заявил я, пятилетний, – ты сам сказал, что я очень красивый!

Маени, которого люди назвали бы моей матерью, рассмеялся, подхватил меня на руки и подкинул:

– Посмотрим, что ты скажешь, когда подрастёшь!

* * *

Пена с плеском потекла на пол. Пальцы ног уткнулись в край ванны, затылок упёрся в бортик. Намокшие волосы серым шёлком облепили плечи. Рывком поднялся, легко перемахнул на пол, расплёскивая воду. Волна горячего воздуха прошла по телу, согревая и суша. В комнату вышел уже с сухой головой.

– Каэн, – простонал Лейк, – оденься! Иначе я начну чувствовать себя неполноценным!

Я насмешливо оглядел его всего – высоченного, идеально сложенного, снежноволосого и голубоглазого, совершенного представителя древнейшей, чудом сохранившейся расы – и хмыкнул:

– Не напрашивайся на похвалу.

– Даже не думал! – винари обошёл меня кругом. – Надо же, какой прекрасный экземпляр высокородного! Так развит... везде!

– Ты ещё пощупай, – фыркнул я, – похотливый мер!

Лейк предусмотрительно отошёл.

– Собираешься смотреть, как я одеваюсь? – мне стало забавно.

– Что я там не видел...

– Коли глядишь – значит, что-то новенькое, – поддел парня я, – сравнить ещё не забудь!

Юноша покраснел и наконец-то отвернулся. А я совсем развеселился.

Вообще-то Лейк старше меня. Но свой истинный возраст он скрывает, стесняясь выглядеть мальчишкой в моих глазах, справедливо считая, что сто тридцать два года для винари – подростковый период. Хотя я миллион раз ему намекал, что чтение ауры не оставляет простора воображению. Тем не менее старательно подыгрываю. Хочет видеть во мне древнее и загадочное существо – пожалуйста! Так даже лучше, авторитетнее. Любопытно, правда, посмотреть на лицо Лейка, когда он узнает, что я даже не ровесник – на три года

моложе!

Мне – сто двадцать девять. И для своих сородичей я не то что подросток – грудной ребёнок, которого требуется беречь и защищать, страховать каждый шаг в полном опасностей человеческом мире. Так и было бы, если бы не одно обстоятельство. Мой род истреблён. Весь.

Зубы привычно скрипнули. Любой другой на моём месте стремился бы к одному – отомстить. Но я слишком долго выживал среди людей, чтобы возненавидеть их скопом. Претензии у меня только к одному из них – высокородному лорду Вуасу. Не к его наёмникам, не к королям Алерии и Лирии, не к солдатам регулярной армии, не к простым горожанам Рейска, обрадовавшимся нежданному развлечению. Бог с ними. Погрелись у костра и ладно... Но юному тогда лорду, жаждущему прослыть народным героем, я очень хотел бы взглянуть однажды в лицо. Если он ещё жив – тот, кто казнил и сжёг моих родителей, сестёр или братьев... Называйте, как нравится. Твари Бездны не имеют пола.

Люди – имеют. Женщина, которой тогда Маени впихнул семилетнего ребёнка, понятливо спрятала приёмыша среди своих. И десять лет растила как собственного, приучив к такому удивительному слову «мама». Чайра, мамочка, родная моя... Я заботился о ней как мог. До самых последних её дней вливал силу, позволив прожить почти полтора века. Но хрупкие человеческие тела не созданы для истинного долголетия. Чайра, малограмотная, суровая ткачиха с окраины

Рейска, своим нежным, любящим сердцем погасила долг людей за убийство моих близких.

– Каэн! – вырвал меня из плена воспоминаний Лейк. – У тебя такое выражение лица, что непонятно – то ли улыбаешься, то ли прибьёшь кого...

– Вживаюсь, – буркнул я и для убедительности скорчил пару гримас. Юноша сделал вид, что поверил, я не дал ему продолжать в подобном духе.

– Где этот тип будет нас ждать?

– В «Светлой дали». Не мог что-нибудь поближе присмотреть! Шлёпай теперь в эту даль! О, каламбур! Каэн, а давай...

– Нет.

– Ну, что тебе стоит! Один ма-аленький перенос! И мы на месте!

– Лей, – нахмурился я, – ты хуже ребёнка! Дети и то на со- том отказе перестают канючить. Сколько раз объяснять тебе, что я не должен, выполняя заказ, пользоваться иной магией, кроме той, которой обладает оригинал? Этот высокород- ный – маг ветра с неразвитым даром, а на «ма-аленький пе- ренос», как ты называешь пространственные разрывы, спо- собны только универсалы уровня архимага.

– И ты! – засиял винари.

– И я. Которого сейчас не существует. Есть вот этот длин- ноногий лорд, увы, не знаю, как его зовут, что сейчас начнёт переставлять свои ножищи одну за другой, пока мы не добе-

рёмся до означенной ресторации!

– Вредина ты, Каэн, – засопел парень, – в любом обличии!

* * *

Едва мы вошли в «Светлую даль», стало понятно, почему именно её выбрал заказчик. Это, кстати, подтверждало хорошее знание им столицы. Общего зала в заведении не было, помещение делилось перегородками в три локтя высотой на отдельные кабинки. Оригинальное решение! Когда ты стоишь – вроде всех видишь, а сел – и скрыт от посторонних. Лейк тут же потащил меня к окну, любит он сидеть так, чтоб и улицу обзреть, и подойти со спины никто незаметно не мог.

Я не спрашивал, как нас найдут. Яснее ясного, что внешность у высокородного заметная, любого подавальщика спроси – тут же укажет. Меня волновал вопрос – когда. Придут вовремя – можно строить нормальные, доверительные отношения. Запоздают – придётся гонор сбивать. А если раньше появятся, значит, нужда большая, здесь и о прибавке поговорить не грех.

Лейк заказал вина и грел бокал в тонких пальцах. Со стороны – отпрыск титулованных родителей, избалованный мальчишка. Сейчас, когда винари уравнены в правах, у знатной молодёжи даже модно высветлять волосы до белизны и походить на перворождённых. Попробовал бы кто-то так за-

явиться в ресторацию лет тридцать-сорок назад! Тюрьма, в лучшем случае – рабство, а то и казнь в отдалённых провинциях... где мы однажды и повстречались. Теперь выглядеть «как винари» пытаются многие, вот только настоящих древних почти не осталось. Лей, одетый со столичным шиком, казался одним из богатых подражателей. Расшитая золотой нитью куртка небрежно распахнута, нога в тонких брючках закинута на ногу, глаза полуприкрыты. Вот только взгляд из-под густых ресниц портил впечатление пустоголового франта – настороженный, прицельно скользящий, не расслабляющийся ни на секунду.

– Пришли, – шепнул мне винари.

– Добрый вечер, – раздался хриловатый мужской голос.

Я обернулся. Лейк не ошибся. Бывший вояка. Лицо топорное, короткая стрижка, жёсткий, тёмный волос, мясистый нос, простецкий загар, толстая шея перетекает в мощные плечи, мышцы такие, что хочется потрогать, настоящие ли. М-да... Здесь гвардией и не пахнет. Гвардейцем стать – надо хоть каплю благородной крови иметь, а глядя на кустистые брови и кулаки с ядро в голову приходят мысли о кузне или стойлах для строгов.

Лейк приподнялся и отвесил учтивый поклон. Я ограничился небрежным кивком головы. И услышал сдавленный вздох. Подошедшая разнаряженная брюнетка смотрела на меня с таким восхищением и восторгом, что сделалось неловко – на секунду, по истечении которой я сообразил, что

полный обожания взгляд насыщенно-зелёных глаз предназначен не мне, а высокородному образчику красоты и стати.

Девушка явно вспомнила о том же, поскольку поспешно опустила взгляд и села как можно дальше, за противоположный конец стола. Сама она была довольно типична: прозрачная бледная кожа и тонкие черты вытянутого лица выпячивали то, чего её спутнику так не доставало, – породу. Капризная складка у полнотугого рта её тем более не красила, а манера задирать подбородок начала раздражать меня сразу. Крайней юностью она тоже не могла похвалиться, четверть века ей исполнилось точно. В общем, прислуга в гостинице этой девушке безбожно польстила. Или это я настолько придирчив?

Разговор тем не менее начал именно брюнетка, повернувшись к Лейку и потребовав:

– Пусть он что-нибудь скажет!

Винари вспыхнул и приоткрыл рот, но я опередил:

– Дражайшая леди, позвольте напомнить вам одно обстоятельство. Вы не на рынке строга покупаете и не мера из корзинки выбираете. Там вы можете потребовать от владельца, чтобы он свою зверушку вам всячески показал и расхвалил. Сюда вы пришли не за животным, а с просьбой об услуге. Дорогостоящей. И я ещё не принял решение, оказать вам её или пожелать всего хорошего. Сейчас вы активно склоняете меня к последнему. Так что, пожалуйста, вспомните, с кем вы беседуете и о чём просите. И для начала представьтесь.

По мере того как я говорил, девица заливалась краской. К окончанию моей пафосной речи она сравнилась цветом со своим тёмно-бардовым платьем. Спутник её, наоборот, побледнел от гнева. Кулачищи его угрожающе сжались, чёрные глаза сузились, и в ярости он выплюнул:

– Морфа!

Большим искушением стало желание ответить на оскорбление. Выбросом силы или молниеносной хлёсткой пощёчной – без разницы. Но я лишь усмехнулся краешком губ:

– Приятно было познакомиться.

Специально поднялся так, как свойственно лишь нам – нарушая все законы анатомии, превращая тело в пластичную, текучую массу. В сочетании с быстротой это выглядело, словно я из сидячего положения мгновенно перетёк в вертикальное. Рискованно, но я разозлился. За моей спиной встал Лейк. В этот момент девица опомнилась и бросилась ко мне, протягивая дрожащие руки:

– Нет, Тэйри, нет! Не уходи!

Мы с винари переглянулись.

– Тысяча золотых, – бросил я, – половина сейчас, вторая после того, как заказ будет исполнен. Лейк, напомни правила.

– Называть только именем оригинала, никаких близких отношений, на время заказа принести магическую клятву молчания, – жёстко откликнулся тот. – Сразу предупреждаю: нарушившего данную клятву я убью – не важно, мужчину

или женщину. Я – винари. Мне ваши человеческие заморочки глубоко безразличны.

Ничего себе! А Лейк-то взбешён почище меня. Не часто он позволяет под маской бесшабашного шалопая и ветреного покорителя дамских сердец разглядеть себя настоящего, мало соответствующего представлению людей о самой древней расе Алерии. Снежноволосые красавцы – воины и охранники, чтящие исключительно свой суровый кодекс. Это люди пытались сделать из них послушные игрушки для забавы. Обычно мой добровольный телохранитель не хвастается своей принадлежностью к перворождённым, мне же и в голову не приходит тыкать его происхождением. К тому же свели нас такие обстоятельства, что и моё, и его происхождение одинаково грозило нам Бездной, в которую нам обоим очень не хотелось!

Высказывание Лейка произвело впечатление. Сопровождающий сложил ладони в примиряющем жесте, девица ахнула и зябко поёжилась. Мужчина поспешил заговорить:

– Моё имя Берг. Госпожу зовут леди Гион. Мы согласны на ваши условия.

Он широким жестом вывалил на стол глухо звякнувший мешочек:

– Пятьдесят королевских джолей. Каждый стоимостью в десять золотых. Остальное получите там, куда мы направляемся. Выезжаем немедленно.

Я прищурился:

– Куда едем, тоже не скажете?

– Нет, – отрезал Берт.

Лейк задумчиво взял мешочек, развязал, заглянул, затем перевёл вопросительный взгляд на меня.

– Что вы подразумеваете под словом «немедленно»? – уточнил я.

– На улице нас ждёт экипаж и верховой строг. Мы сейчас выходим и сразу покидаем Айгер. Всё необходимое для дороги у нас с собой. Мор... Лорд Тэйри с госпожой едут в карете, я сопровождаю.

– Исключено, – голос винари мог бы поспорить с вечными льдами Оркири. – Во-первых, мы работаем вдвоём. Не берёте меня – проваливайте в Бездну. Во-вторых, нам нужно время собраться и уладить дела.

– Нам не хотелось бы задерживаться... – начал было Берт, но девица, после своей первой, всё испортившей фразы благодарно молчавшая, соизволила вмешаться:

– Когда вы будете готовы?

– Часа через три, – прикинул Лейк.

– Тогда я предлагаю, чтобы... – Короткая, нерешительная пауза. – Тэйри... отправился со мной, а вы, господин винари, присоединились попозже. В Бахре нам всё равно придётся сделать остановку на ночь. Вы найдёте нас в гостинице «Королевская гроздь».

Мой друг опять посмотрел мне в глаза. Весьма красноречиво. «Откажись!» – говорил его взгляд. И дело было не

только в нанесённом оскорблении – всё поведение этой пары вызывало подозрения. Меня они побаивались и презирали одновременно. Перворождённый вызывал откровенный испуг. И тем не менее они платили бешеные деньги, раз в десять больше обычной цены – за что? Явно не за удовольствие прокатиться с морфой в экипаже.

Я же... был любопытен! Ни прожитые годы, ни жестокие уроки жизни не излечили меня от дурной привычки искать, а главное – находить приключений себе... скажем, на филейную часть. И хотя моя интуиция просто вопила о неприятностях, прилагающихся к крупным деньгам, интерес пересилил.

– Хорошо, – кивнул я головой лорда Тэйри, – заказ принят. Об условиях вы предупреждены, приносите клятву, и едем.

Клялись они спокойно. Так бывает, когда намерения чисты или, наоборот, люди заранее уверены, что ничем не рискуют. Лейк, например, однажды поклялся мне, что никогда не станет показывать мне свои стихи. И не солгал, паршивец, – он мне их не показывает, просто читает вслух! А магическая клятва пасует перед его изворотливостью.

Из «Светлой дали» вышли мы вместе, однако винари тут же потянул меня за рукав, останавливая:

– Каэн, – подождав, пока Гион и Берт отдалятся, начал юноша, – мне это всё не нравится. Слишком много недомолвок, слишком велика неприязнь. Такое впечатление, что, по-

лучив желаемое, тебя просто прибьют по-тихому, а тело сожгут!

– Переживаешь? – спрятал я за усмешкой смущение.

– Представь себе! – искренне обиделся парень. – Я тридцать лет хожу за тобой хвостом не для того, чтобы оставшуюся жизнь ухаживать за твоей могилой!

– Не беспокойся, – ухмыльнулся я, – у нас могил нет! Костей не остаётся, хоронить нечего... Лей, займись делом. Закинь деньги в банк, наведи справки, предупреди квартирную хозяйку и... – поразмыслив, я закончил: – найми строгов. А лучше – купи. Демоны знают, во что мы ввязываемся. Может, удирать придётся.

– Удирать – так удирать, – хмыкнул винари. – Мы барахлом не обременены, всё, что имеем, в сумку уместится... Ка-эн!

– Что ещё?

Лейк нахмурился:

– Мне кажется, я уже слышал это имя – лорд Тэйри.

* * *

Леди Гион ждала меня возле кареты. Добротный двухместный экипаж, сделан на совесть. Но без гербов, и кучер не в ливрее, а в обычной городской одежде. Леди-то брюнетка леди, однако высокородными разве дети её станут, и то сомнительно. Строги тоже подкачали – полосатые, рас-

кормленные, снизу пузико болтается, с боков жирок свисает. Сразу видно – столичные лентяи, часок крыльями помахали – и в стойло. Донесут ли до Бахра – вот вопрос. Под Бертом строг оказался куда приличнее, крупный, мощный, боевой. При моём появлении расширил ноздри и призывно зашипел... а я был настолько раздражён, что ответил, хорошо, неслышно для людей. Всё равно картина получилась – загляденье: огромная зверюга, рухнувшая на передние лапы, покорно опущенная лобастая башка и прижатые в знак подчинения крылья.

Вот только Берт не оценил, едва не свалился. Помянул и Бездну, и всех предков строгов разом. На меня взглянул с подозрением... а я что? Я ничего! Мимо шёл, руки на виду, пустые. Магию не применял, звуков не издавал. А в остальном...

Плохо вы, люди, нас знаете. Единственное, что выяснили за века, – как отыскивать и истреблять таких, как мы. Прочее вам не интересно и не нужно. Пользуйтесь, что за сотни лет мы так и не начали платить вам взаимностью. Я один могу уничтожить город, даже не прибегая к магии. Воздействовав на психику живых существ, призвав силы природы... Захоти я мстить... Что вы сможете противопоставить могущественной древней сущности, если однажды ей надоест терпеть ваши оскорбления и постоянно подвергаться несправедливым нападкам?

Ваша связь с природой утеряна, а за короткий до смешно-

го отрезок времени, который вы называете человеческим веком, вы даже крупницы своих магических способностей развить не успеваете. Зато вы прекрасно научились травить и нападать, находить тысячи вариантов, как поймать врасплох, заманить в ловушку, сковать, ослабить, запереть силу – чтобы потом сжечь на потеху толпе, лишая возможности воскрешения!

Люди, за то, что вы спокойно спите, поблагодарите простую, скромную ткачиху с окраины захолустного города Рейска, которой я когда-то пообещал: мамочка, я не стану убивать...

* * *

– Каэн, солнышко, иди домой! Смотри, ветер какой ледяной к вечеру поднялся, простынешь!

Я подбегаю, утыкаюсь в перепачканный мукой передник, пахнувший свежей выпечкой:

– Чайра, почему ты меня так зовёшь?

Крепкие, сильные, мозолистые руки прижимают меня к себе, сухие губы улыбаются:

– Так ведь ты и есть солнышко... Ни он, ни она, только свет от тебя все чувствуют... Мелия тебе поклон передавала. Поправились строжатки-то!

– Правда?!

– А то! Не иначе, благословение Святой Алтеи на тебе...

Только, Каэн, Богом заклинаю! Кто спросит – отвечай: дар, мол, магический. Про остальное молчи, пытаться, резать станут – не признавайся... Раны заживут, а костёр беспощаден.

Мне становится грустно, и я шмыгаю носом.

– Каэн, всё-таки замёрз! Живо в тепло! Восемь лет исполнилось, совсем большой, вытянулся как, а до сих пор бегаешь босиком по холодной земле, словно маленький!

Я важно задираю голову:

– Ты вот взрослая, а простых вещей не понимаешь! Земля не холодная, она живая и греет! Все вокруг живые – и камни, и деревья, и поле. С ними можно говорить, как со строгами. Только... не вслух.

– Мысленно, что ли? – озадачивается Чайра.

Мне обидно, топаю с досады ногой:

– Нет! Мысленно мы думаем. А это – звать. Как... думать погромче. Только для них, и слова употреблять простые... вот, смотри!

В поле зрения – птица. Шилохвост, дикий, явно прилетел из леса и загостился в саду. Я зову его, не обманывая угощением, просто объясняю, что хочу рассмотреть. Он склоняет хохлатую голову набок, косится на Чайру, но подлетает и опускается на ладонь – пёстрый, нарядный, расправляет перья, довольно поглядывает – хорош?

– Красавец, – шепчу я, – умница!

Чайра изумлённо смотрит на птицу:

– Каэн, и кого ты можешь так позвать?!

– Любое живое существо, – гордо отвечаю я и подкидываю шилохвоста вверх. Тот взлетает, кружится над головой, не спеша расставаться. Всем приятно, когда хвалят!

– И... человека?!

– Пока он живой. С мёртвым сложнее. Надо сразу после смерти его окликнуть, тогда он сможет, если захочет, вернуться в своё тело. А потом он совсем уйдёт, дня через три меня уже не услышит. У Арисы дочка сразу послушалась, я ей объяснил, что мама плачет... Чайра! Ты чего?

Женщина поспешно вытирает глаза, обнимает меня за плечи и тащит в дом:

– Солнышко моё... Дурни мы. Такое могущество от себя отталкиваем, на кострах жгём, исчадиями ада называем... Не чудовища вы – чудо Божие! Опомнимся однажды, да поздно будет... Каэн, а ты способен подчинить себе людей против воли?

– Это как? – недоумеваю я.

– Как эту птицу.

– Я её не подчинял, а попросил, – растолковываю разницу. – Когда заставляешь – это магия. Говорить с живым – совсем другое, там не сила, слова нужны. А неволить вообще плохо, за это наказывают...

И осекаюсь. Меня больше некому наказывать. Даже такой маленький, я сильнее всех, кто меня окружает. Могу подкрасться к Вуасу да ка-ак!..

– Каэн, – тихонько вздыхает мне в спину Чайра, – обещай

мне одну вещь...

* * *

– Тэйри, – выдохнули у меня под ухом.

Вздрогнул, очнулся. Оказывается, я застыл у дверцы экипажа, и кучер уже нехорошо поглядывает на мою высокородную персону, замершую в столь непозволительной близости от леди Гион. Однако сама леди не возражала. Напротив, смотрела на меня с обожанием, чтобы не сказать больше. И явно надеялась на то, что я помогу ей забраться в карету... А где же ужас перед прикосновением к исчадию Бездны? Показательно сложил руки на груди. Заодно заметил на безымянном пальце светлую полоску – след от кольца. Странно. В изображении кольца не было, это аура считалась.

Девушка сообразила, что от меня помощи не дождёшься, и залезла внутрь. Я скользнул следом. Внутри просторно, но диванчик один, сидеть придётся рядом. Гион к тому же села не на самый край, ближе к середине, не оставив мне выбора. Не на того напала!

– Дражайшая леди, – скопировал я интонации мальчишки-зазывалы из лавки амулетов, – не соизволите ли несколько потесниться? В этом теле я ощущаю себя неповоротливым гворлом, могу нечаянно вас придавить.

Покраснела, отодвинулась. Уткнула взгляд в окно. Кучер прикрикнул, и строги взлетели. Как я и предполагал, пере-

кормленные звери шли тяжело, низко. Нет, до Бахра не дотянут!

– Вашим летунам не помешали бы дополнительные тренировки, – вырвалось у меня.

Не то чтобы я хотел вступить в диалог, просто пожалел животных. Но девица поняла иначе:

– Тэйри...

А интонация такая, будто я ей по меньшей мере в любви признался!

– Совсем необязательно звать меня именем оригинала, когда рядом никого нет.

Леди обиженно вздёрнула подбородок:

– Как же мне вас называть?

– Разговаривать со мной вам тоже не требуется, разве что вы хотите дать какие-то указания. Желаете?

Девушка впилась в меня жадным взглядом:

– А можно спросить? Внешность – это понятно, скопировано с изображения. Но голос, манеры... Вы откидываете голову точь-в-точь как Тэйри, усмехаетесь краешком губ, как он, одинаково хмурите брови...

Мне захотелось рассмеяться ей в лицо, потом накатила тоска. Как же ничтожно мало люди знают о самих себе! Ей знакомо понятие «аура»? Или она представляет её, как на ярмарочной картинке, ореолом света вокруг фигуры? Но я здесь не затем, чтобы обучать леди Гион основам магии, поэтому предпочёл ответить вопросом на вопрос:

– А если мы встречались?

– Нет, – побелела девица, – нет, не может быть... Тэйри не приезжал в Айгер, я знала бы... Он в Алерии первый раз!

Сказать ей, что мы с Лейком только за последний год побывали в десятках мест королевства, не считая сопредельных Лирии и Орхилла? Или тогда я рискую увидеть, как леди падает в обморок? На меня, кстати! Спасибо, как-то не хочется!

– Дражайшая леди, голос человека – всего лишь прохождение воздуха через грудную клетку и гортань, его звучание обусловлено колебанием голосовых связок. Копируя облик, я меняю и внутренние органы, даже кровь во мне становится идентична оригиналу. Наши жесты и привычки – отчасти следствие строения наших тел. Сейчас всё во мне соответствует вашему лорду, неудивительно, что я веду себя, как он.

За исключением того, что принято называть душой или аурой. Разума, памяти, чувств, способностей, склонностей и силы. Это, извините, только моё! Не продаётся и не покупается.

Поняла меня Гион или нет, она поуспокоилась. Даже попыталась улыбнуться:

– Теперь заметно, что вы – не он. Тэйри так не разговаривает, во всяком случае, со мной. Считает меня глупой.

Пожал плечами. Сочувствовать ей у меня не было повода. Вижу её впервые в жизни, симпатии не испытываю, доверия тем более. Взгляд её, плотоядный, откровенно бесит.

На месте высокородного из принципа не стал бы заводить с ней отношения. Такие женщины опасны. Свою любовь они не дарят – навязывают, сковывают ею по рукам и ногам и душат до тех пор, пока в жертве остаётся хоть капля сопротивления. И не дай Бог ответить им взаимностью! Изведут капризами и придирками, невыполнимыми требованиями и противоречивыми желаниями.

Иногда я даже рад своей невосприимчивости к человеческим глупостям. Это Лейк до сих пор не утратил надежды пробудить во мне чувственность – сначала таская мне хорошеньких девушек, затем – очаровательных юношей. После чего был показательно выруган и – хотел бы добавить – выпорот, но на несовершеннолетних у меня рука не поднимается. Так что от души поорал, да без особой пользы. Винари то и дело подсовывает мне объект возможной симпатии с уморительным объяснением: «Каэн, для здоровья полезно!» Ещё и себя умудряется предлагать, когда я в женском облике: давай, мол, по-дружески...

Или я просто ещё маленький? Ведь я даже не знаю, когда у представителей моей расы начинается половое влечение. Живём мы примерно три тысячи лет, мои сто двадцать девять... округлим, пусть будет сто тридцать – это в переводе на человеческую жизнь сколько? Лет пять? Шесть?

Леди моим мыслям не мешала. Жадно любовалась из своего угла, была бы мером – облизывалась бы. Я отвернулся, уставился в окно. Стемнело, в экипаже горели светильники,

и стекло в дверце превратилось в зеркало, отразившее мой облик. Странно, я не выглядел настолько высокомерно-заносчивым, как настоящий Тэйри. Гордым – да, упрямым, норовистым. Но презрение из взгляда ушло... надо доработать. Неужели наше внутренне содержимое оказывает влияние на внешность?

– Тэйри...

Наверно, ей нравится произносить это имя. Томно, с придыханием, с блаженным закатыванием глаз.

– Дражайшая леди, я опять вынужден напомнить: я – не он. Совершенная копия, но и только. Сейчас вы обращаетесь к чужому... – Слово «человеку» показалось мне неуместным, я быстро заменил его: – господину. Поэтому...

– Тысяча золотых, – выпалила она.

– Что?! – я аж поперхнулся.

– Столько я заплачу за одну ночь с тобой. В Бахре.

Бездна и её демоны! Да я самая дорогая проститутка во всей Алерии! Да что там, во всех королевствах! Лей будет в восторге...

– У меня есть деньги, – неправильно поняла моё молчание девушка, – не сомневайся.

Её лицо оказалось на уровне моих глаз – так близко, что приторный запах духов и вожделения вызвал тошноту.

– Леди, вы точно понимаете, кого и о чём вы просите? Вы будете совокупляться не с лордом Тэйри, а с исчадием ада. Вас это не волнует? – мой голос звучал ровно, а внутри

бушевала буря.

– Сейчас ты выглядишь, как он, ведёшь себя, как он, даже кровь одна и прочие... жидкости. – Глаза девушки горели нехорошим огнём. – Так какая разница?!

У меня не было возможности отстраниться, пришлось призвать стихию. Ветер передо мной создал плотную стену, отодвинув наглухо девицу на добрый локоть. Бездна! Благородная леди... Подавальщицы в ресторациях скромно улыбались мне, разносчики робко дарили букетики первоцветов, торговцы осмеливались делать комплименты. Самое большее, на что были способны представители низшего сословия, – неуклюже намекнуть на продолжение знакомства. Так оскорбительно меня не покупали. И уж точно, последнее, чего бы я хотел, – это потерять девственность с подобной особой!

– Вы нарушаете условия заказа, госпожа Гион, – сухо ответил я, – никаких близких отношений.

Магия её впечатлила или тон моего голоса – девушка затихла. Закусила розовую губку, стиснула пальчики с избытком перстней. Прошептала с тихой яростью:

– Ты пожалеешь, морфа!

Уже не Тэйри. Прекрасно!

Оставшийся путь девица провела в полнейшей тишине, не считая шума ветра. Строги, как я и предполагал, до Бахра не дотянули, шмякнулись на дорогу и пошли тряской рысцой, то и дело сбиваясь на шаг. Вояка при весьма прочувствован-

ном приземлении заглянул в окошко, обеспокоенно поводил носищем – всё ли ладно? Леди изобразила улыбку, мгновенно исчезнувшую с её личика, когда сопровождающий скрылся из виду.

– БERTу ни слова! – предупредила она с напором. – А то...

– А то – что? – оскалился я.

Ветер прошёлся по внутреннему пространству кареты, качнул светильники и послушно замер у моих ног. Девушка отшатнулась. Я не боюсь угроз и не выношу тех, кто настолько безрассуден, чтобы пытаться мной командовать. Экипаж остановился. БERT распахнул дверцу, подал леди руку, помогая сойти. Военные всегда галантны, даже когда это не составляет им удовольствия. Я выбрался следом, осмотрелся.

В Бахре я бывал частенько, но в основном в восточной его части, где расположены шикарные особняки высочайших. Прибыли же мы в самый центр, рядом с малым королевским дворцом. Фернар этот пригород столицы обожает, находится тут чуть ли не чаще, чем в Айгере. И «Королевская гроздь» оказалась под стать – роскошная, современная, четырёхэтажная гостиница из разряда тех, в которых номера на одну ночь стоят, словно наём целого дома на седмицу. Невзирая на немаловажный факт, почти все окна гостиницы были освещены, а на площади перед ней, несмотря на довольно поздний час, царило настоящее столпотворение из экипажей. Мне показалось, я разбираю орхильскую гортанную речь. БERT не дал прислушаться, вежливо попросил сле-

довать за ним, но отправился не к парадному подъезду, а провёл нас через неприметную боковую дверь запасного входа.

Номер на втором этаже поджидал нас отменный, из двух больших спален, каждая с отдельной ванной, разделяла которых общая просторная гостиная. Леди сразу прошла к себе и закрылась изнутри. Слёзы лить собирается, что ли? Мне Берт указал на кресло и столик с напитками. Поскольку я не устал и пить не собирался, отрицательно покачал головой и вопросительно уставился на мужчину. Не пора ли хотя бы намекнуть, для чего им сдался высокородный?

От моего пристального внимания Берт заёрзал. Обычно мой взгляд, пусть и холодный и хмурый, собеседников не пугает. Но сейчас я находился в облике надменного лорда, и бывшему вояке стало не по себе.

– Мы переночуем здесь, – начал он, не глядя мне в глаза, – а рано утром отправимся в Шерх. В открытом экипаже. Возможно, по дороге нам встретятся знакомые лорда Тэйри. Дорожный шум, конечно, заглушит слова, но не спасёт от магической связи. От вас требуется молчать. Ни в коем случае не отвечать на вопросы! Хотите – кивайте, махните рукой – что угодно, только не говорите. В самом крайнем случае – «благодарю».

– Такая сдержанность не покажется странной? – удивился я.

– Лорд Тэйри немногословен, – на лице Берта мелькнула

неприязнь. – Он скуп на чувства и их проявления. Вы и то в разы эмоциональнее. Ещё он смотрит на всех, словно мы – грязь на его сапогах... – Мужчина скривился. – Прошу, потренируйтесь. У вас взгляд очень живой, человеческий, даже когда вы злитесь.

Святой Кристоф, покровитель всех чудес! У морфы – человеческий взгляд! Хочется хоть одним глазком полюбоваться на этого Тэйри!

– Я обязательно должен спать тут или могу снять отдельный номер? Скоро к нам присоединится мой друг, а постелей только две. И леди в соседней комнате – это не совсем прилично.

– Свободных номеров нет, но пусть вас это не беспокоит. Госпожа Гион заперлась на ключ, до утра вы её не увидите. Я собираюсь ночевать в городе, утром зайду за вами и выведу чёрным ходом. Одному вам лучше не выходить, знакомые лорда Тэйри могут встретиться и в гостинице.

– Вы так и не сказали, в чём заключается мой заказ, – напомнил я.

– Все подробности – в Шерхе. – Берт старательно отводил глаза. – Там у меня назначена важная встреча, от которой зависит ваше задание.

Врёт? Несомненно.

– Доброй ночи, – попрощался мужчина и поспешил закрыть за собой дверь.

А я остался с этой стороны. Наедине с жаждущей любви

леди за тонкой стенкой... Она знала об особенностях этого номера заранее? Внешне – соблюдены все приличия, на самом деле – один поворот ключа – и доступ открыт. Не мудрено, что она решилась купить моё тело и ночь удовольствия... Кстати, а почему только одну?

Осторожный стук в дверь отвлёк меня. Я улыбнулся и открыл. Лейк всегда стучит одинаково, даже зная, что я чувствую его за несколько локтей.

– Ты в курсе, что в гостинице битком орхильцев?! – вместо приветствия выпалил он, едва проскользнув в комнату. – И какого демона леди ночует практически в одном с тобой номере? Она настолько без ума от этого высокородного? Кстати, знаешь, кто он?!

– Не суетись, – я почти насильно усадил винари в кресло. – Давай по порядку. Начни с оригинала. Кто такой Тэйри?

– Единственный сын короля Олафа, наследный принц Лирии, – с непередаваемым выражением лица выдал Лейк, – будущий муж принцессы Агнии. Завтра он должен тайно прибыть в Шерх, где сейчас дочь Фернара отдыхает вместе с королевой Виленой. «Тайно» – это с небольшой группой слов и без лирийской армии у городских ворот. Помолвка произойдёт в центральном храме в узком кругу. Только семья и охрана.

Теперь сел и я.

– Откуда сведения?

– Жена управляющего королевского банка рассказала по

большому секрету. Всё держится в строгой тайне. Если свадьба состоится, весной будет война. Арелия в союзе с Лирией нападут на Орхилл. Теперь ты понимаешь, зачем понадобился двойник? И почему толпа орхилльцев рвётся в Шерх?

– Разумеется. Орхилл на всё пойдёт, чтобы помешать объединению королевств.

– Ты не доедешь до Шерха, Каэн, – винари сжал кулаки до побелевших костяшек, – тебя убьют вместо Тэйри. А пока шпионы Орхилла празднуют победу, настоящий принц спокойно женится на Агнии и уберётся к себе в Лирию.

«Потому и всего одна ночь», – сказал я сам себе.

– Лей, а они понимают, что морфу убить невозможно?

– Сложно сказать, – покачал головой юноша, – последние костры горели так давно, что люди подзабыли, откуда это пошло... Вряд ли кто-то даст сжечь тело принца. Скорее, похоронят – в гробу, с почестями.

– И зрителя кладбища ждёт сердечный приступ, а народ Шерха – новая леденящая душу байка. Или свита повезёт тело принца на родину?

– Тогда удар будет у послов, – усмехнулся Лей. – Каэн, это всё равно... подло!

– Ты ожидал иного?

– От людей? – винари презрительно сощурился.

– От заговорщиков. Непонятно только одно, – принялся рассуждать вслух я, – как в этом замешаны бывший вояка и арлийская леди, и их ли это инициатива – подменить принца.

Впрочем, мы это скоро узнаем.

— Каэн? — подозрительно воззрился на меня парень. — Как тебя понимать?! Ты не пошлешь их в Бездну?!

— Мы взяли заказ, — я придал голосу строгость, — получили аванс. Лей, я отдавал себе отчёт, что ни пятьсот, ни тем более тысячу золотых не платят за сомнительное удовольствие прогуляться в моём обществе. Я чуял неприятности государственного масштаба, так что ничему особенно не удивлён, разве что важности изображаемой мною особы. Так что, стихоплёт смазливый, ночуем с похотливой леди за стенкой, а утром летим в Шерх и по пути подставляем меня под все известные орхилльским магам заклятия.

— Ты всегда хамишь, когда волнуешься, — проворчал Лейк, уступая. — А почему леди — похотливая?

Я рассказал винари о предложении, сделанном мне в экипаже. Юноша хохотал так, что чуть не свалился с кресла.

— Каэн, — простонал он, вытирая выступившие от смеха слёзы, — мы с тобой занимаемся не тем видом деятельности! Вместо того, чтобы участвовать в интригах и заговорах, надо открыть контору для озабоченных дам и господ... Хотите переспать с принцем? С принцессой? Тысяча золотых... За одну ночь! Бездна! Да к нам очередь выстроится, а мы с тобой выкупим землю где-нибудь на южном побережье и создадим собственное королевство... Сто джолей!! Каэн, живо отрывай свой высокородный зад и топай в соседнюю комнату ублажать леди!

Не выдержав, я рассмеялся тоже. Умеет Лей поднять настроение! Несмотря ни на что.

Когда-то, давным-давно... Как начало сказки, только у этой нет счастливого конца. На земле владычествовали две великие расы – винари и морфы, презирующие друг друга. Нет, мы не враждовали и не убивали. Этой чисто человеческой гадости мы не знали. Но мы не взаимодействовали, не пересекались и не доверяли. Поэтому, когда появились люди, мы не осознали угрозы. С высоты своего могущества мы поглядывали на людишек, как на лерек-однодневок – порхают где-то, суетятся... Пока в один прекрасный миг не опомнились и не увидели, что мир заполонили эти лереки, на каждого представителя древней расы их сотни, и они не обладают ни нашей снисходительностью, ни великодушием. И они не собираются терпеть нас рядом! Винари, совершенных созданий, стали брать в плен исключительно ради красоты тел и использовать, словно игрушки – и мужчин, и женщин... Перворождённые и ломались, как куклы, не проживая десятой части положенного срока и не оставляя потомства. Винари не могут дышать в неволе, не то чтоб размножаться! Морф же боялись и ненавидели, уничтожали всеми доступными способами и исправно жгли. Если бы мы в какой-то момент договорились, объединили бы нашу магию и умение сражаться – возможно, мы могли бы отвоевать себе хоть кусочек свободы! Землю, где мы могли бы жить и растить себе подобных...

Но осознание того, что мы можем сотрудничать, пришло слишком поздно, когда тридцать лет назад морфа и винари встретились в камере смертников. Вырвавшись оттуда, они объединились и выжили. Два глупых одиноких ребёнка в мире жестоких и безжалостных людей.

– Каэн, – осторожно заговорил Лейк, – ты опять задумался?

– Всё в порядке, – быстро откликнулся я, – ложись спать. Завтра будет насыщенный день.

* * *

Чему я завидую, так это умению Лейка засыпать всегда и везде, в разных условиях и при любых обстоятельствах. Бывает, я полночи кручусь, мысли бродят, словно стадо серхов. А винари сопит себе спокойно, лицо такое расслабленное, милое, кроткое... и не скажешь, что перед тобой воин, способный биться одновременно обеими руками, мышцы которого не уступают стали, а нервы крепче строговых канатов.

Вот и сейчас юноша спокойно разделся, оценил мягкость кровати и свежесть белья, соблазнительно послал мне воздушный поцелуй и через секунду спал как убитый. Последовав его примеру, я погасил свет и теперь ворочался в темноте. Волнение не давало покоя.

Хорошо бы поговорить по душам с Бертом. Леди исключается, она одержима своим неотразимым Тэйри и правды

не скажет. А вояка, судя по тому, как старательно он избегал смотреть мне в глаза, врать не любит и не приучен. Мне бы только понять, кто вложил в их головы идею подсунуть вместо принца морфу и что им за это пообещали. С Бертом всё просто. Он солдат, им движет честь, долг, клятва господину – королю или высокородному. С Гион сложнее. Деньги исключаются. Девушка без того состоятельная, перстеньки на пальчиках не одну сотню золотых стоят, капризна и избалованна, приучена к мысли, что всё покупается, предложи лишь цену. Вон как тысячами швырялась! Политика? Для этого, как правильно считает Тэйри, она слишком глупа... Кстати! Откуда арлийская леди близко знакома с лирийским принцем? Гостила в Лирии? Но у королевств последние лет пять настолько напряжённые отношения, что высокородные путешествовать не рискуют, это торговый люд туда-сюда шагает, войны нет – и славно. Им семьи кормить надо, капиталы сколачивать, коммерцию вести... Значит, леди принадлежит к посольству, вряд ли сама – скорее, дочка посла. Втюрилась в принца по уши, такой хорошо вертеть как угодно. Но что можно посулить фанатично влюблённой девушке? Не принца же...

Если «Тэйри»-меня прилюдно убьют, настоящий лорд тихонько женится на Агнии и станет королём Лирии. Говорят, Олаф при смерти, хотя это лишь слухи. Вон про нашу королеву Вилену сколько сплетен ходило: и помирает, и совсем уже Богу душу отдала... а на балу в честь Перелома

года вышла под руку с Фернаром – здоровехонькая, сияющая, навскидку – дочери ровесница. А если честно – Агнии тридцать один скоро, она старше матери выглядит. К тому же Вилена – красавица, яркая, черноокая, снежноволосая, словно у неё в роду винари были. А принцесса – неказистая, невзрачная шатенка. И в кого только? Тэйри, верно, себе уже фавориток присматривает.

Может, Гион поманили местом официальной любовницы? Недурно, если гордость подальше засунуть. Вот только предложить подобное без ведома принца никак невозможно... И не вяжется это с его чванливым видом! У него во взгляде столько спеси – если и заведёт себе пассию, то из самых выдающихся высокородных красоток, а не дочку посла заурыдной наружности...

Я помянул Бездну, поднялся, оделся. Всё равно не усну! Пойду прогуляюсь. В темноте я вижу не хуже, чем днём, а при ходьбе лучше думается. Меня привлекает ночная тишина, стихает суета, пустеют улицы городов, даже воздух становится другим – более насыщенным, бодрящим. И ещё – ночью нет людей.

Выскользнуть из гостиницы не составило труда. Привратник за стойкой клевал носом над открытой книгой регистрации постояльцев, двери оказались не заперты. При желании я в любом облике способен двигаться быстро и бесшумно. Ночь ласково обняла меня, спрятала от посторонних. Мне было всё равно куда идти, я пошёл наугад, по тёмной широ-

кой улице с едва мерцающими огоньками фонарей.

Зимы в Алерии – одно название: куртка поверх тонкой рубашки или накидка на шёлковое платье. В своих скитаниях мы с винари заходили в такие края, где от холода не спасали ни множество толстых слоёв стёганных тканей, ни густые меха. Тёплые страны куда приятнее, и Лейк со мной солидарен. Заказов везде достаточно, незачем мёрзнуть. То, что мы способны выживать при температурах, когда от мороза дыхание повисает сосульками на ресницах, не означает, что нам это по душе. Жара тоже невыносима, а такая погода, как в Бахре, – самое милое дело.

Красивый город. Без помпезности и размаха столицы, зато новее и чище. Узких улочек нет совсем, строили с расчётом на плотное движение экипажей. Не то что в Айгере, где полно мест, в которых карета еле-еле протискивается, а встречному приходится или дожидаться очереди, или рисковать и перелетать. Строги не жалуют себе подобных, в полёте норовят задеть и цапнуть, потому и хвосты у них в детстве купируют, а уж если над собой других летунов заметят – всё, считай, сцепились.

Строгов вывели морфы. Не знаю, из каких животных. В мире почти не осталось исконных созданий. Те, что появились благодаря моим предкам, вытеснили всех. Иногда меня посещает крамольная мысль, что люди своим существованием тоже обязаны тем, кого они так бояться и ненавидят. Уж больно они похожи на строгов и меров, гворлов и

серхов... Агрессия и приспособляемость, высокая рождаемость и неприхотливость. Всё разнообразие мира свелось к нескольким видам, идеально соответствующим поставленным задачам. Строги летят без усталы, гворлы перетаскивают грузы, серхи дают шерсть, мясо и молоко, меры – источник забавы и умиления. Есть ещё и каесы для защиты, но они редки и запредельно дороги. Не многие предпочитают держать живых охранников, заклинания и проще, и надёжнее, и дешевле.

Интересно, для каких целей предназначались люди?..

Я посмотрел на свою руку. Поменял форму, дотянулся до ближайшего дома локтях в пяти от меня. Вернул в исходное состояние. Забавно! Морфа... совершенное создание. Живущее тысячелетия, не имеющее пола...

* * *

– Каэн, – в который раз протянул Лейк, – ну признайся: ты парень или девчонка?!

Я ехидно принял облик его последней зазнобы, помахал пушистыми ресницами, состроил глазки:

– Ты с какой целью спрашиваешь, дорогой?

Винари не постеснялся подойти вплотную, заглянуть в вырез рубашки, сейчас растянутый до предела:

– Сиськи вижу. Значит, девушка?!

Поскорее приняв мужской облик обратно, я показательно

расстегнул штаны:

– А теперь что скажешь?

Юноша хохотнул:

– Скажу, что завидно... Каэн, правда! Зачем ты скрываешь? Не доверяешь до сих пор? Вот возьму – и обижусь! Мы столько времени вместе, а я даже не знаю – мне при тебе переодеваться прилично или нет? Или в щёчку целовать?

– Ты попробуй, – предложил я, стараясь сохранить серьёзность, – получишь по губам – сразу поймёшь!

Лейк гордо распахнул рубашку, демонстрируя почти исчезнувший шрам на груди:

– Вот ради кого я в очередной раз в Бездну сходил? Ради любимой или друга? – голос винари дрогнул. – Каэн... я серьёзно... Если ты парень – я отстану. Если девушка – тут же прекращу свои интрижки... они мизинца твоего не стоят. И начну добиваться! По-честному! Не постели, а взаимности. Ты знаешь... что это для винари.

Я знал. Что винари, как и морфы, выбирают один раз – навсегда. И потому ответ у меня был тоже один. Раздевшись догола под изумлённым взглядом, я сосредоточился. Свой истинный облик я не принимал с семнадцати лет. Мне самому стало интересно, что я увижу. Так что рассматривал я себя с не меньшим интересом, нежели Лей.

Очень высокий, смуглый. Кожа гладкая, ровная и безволосая. Длинные ноги, изящные лодыжки, узкая талия. Плечи одной ширины с бёдрами, рельеф мышц лишь обозначен.

Руки слишком сильные для девушки и недостаточно мускулистые для парня. Волосы ниже спины странного серебристо-серого цвета и такие же серебряные, светящиеся глаза. Черты лица правильные, тонкие, выразительные.

И – никакого намёка на половые признаки!

Лейк ахнул.

– Каэн... А как же ты... вы размножаетесь?!

– Принимаем пол, противоположный выбранному нами партнёру. Он мужчина – я женщина. Или наоборот. Многие пары постоянно меняются местами, можно экспериментировать... Лей, любишь не тело, а душу. Вот теперь сам решай, кто я.

Винари обошёл меня, несмело протянул руку:

– Можно... дотронуться?

– Дерзай, – усмехнулся я.

Лейк бережно провёл по груди, плечам, погладил волосы:

– Мягкие... Ты красивый... или красивая... А как правильно к тебе обращаться?! Не в среднем же роде!

– Когда в женском облике – как к девушке, когда в мужском – как к юноше. Если мы в настоящем теле, то всё равно думаем о себе как о мужчине.

– То есть ты ещё и в мыслях считаешь себя то девчонкой, то парнем?!

– Конечно. Вот так... – Я отрастила грудь и соответствующие признаки внизу. – ...будет «сделала». Нагнулась, потянулась, вильнула бёдрами. А если так... – Я сменил пол. – ...

то уже «сделал». Шагнул, протянул руку, захлопнул отвисшую челюсть, – продемонстрировал я упомянутое.

Винари потёр подбородок и развёл руками:

– Каэн, у меня слов нет... Это как разрушить мир и все привычные взгляды на человеческие взаимоотношения...

– Мы с тобой не люди, – ухмыльнулся я, одеваясь обратно, – ты – винари, я – морфа...

– Я – Лейк, ты – Каэн, – поправил меня парень. – Я теперь не знаю, как быть дальше... Как к тебе относиться и кем считать. Но это не меняет одного: я твой друг.

– Тогда... – я глубоко вздохнул, – я скажу тебе ещё кое-что. Только ты это сразу забудь. Я назову тебе своё имя.

– Ты же Каэн! – округлил глаза Лейк.

– Это лишь имя моего рода, – признался я, – Кириани Нератс. Сокращённо – «КН». Каэн.

– Ничего себе... – простонал Лейк, – после года дружбы чего только не узнаешь... Каэн... а к чему такие сложности?!

– Имя морфы известно лишь родителям и самым близким людям. Его не произносят вслух, не употребляют в миру. Настоящим именем меня можно вернуть из Бездны или призвать на край света... Лейк, это имя знали лишь моя семья и женщина, что спрятала и вырастила меня. Я доверился ей лишь спустя десять лет, уходя из дома, чтобы она могла позвать меня в случае беды. А теперь называю тебе... Понимаешь?

– Да.

Винари поглядел на меня – и заключил в объятия:

– Плевать, кто ты. Ты умер за меня под топором палача, спасал тысячи раз... Каэн, у меня никого, кроме тебя, нет. Ты – моя семья, морфа... Неважно, сплю я с тобой или нет, я всё равно тебя люблю. Как тебя зовут?

Я шепнул ему на ухо имя.

* * *

Путь мне перегородила река. Я уже и забыл про Нигр, плавно несущий свои воды через всю Алерию до самой Лирии и даже дальше, в Кассию. Айгер стоит на одном берегу, а Бахр река делит на две части, связанные мостом. Ажурные арки, подсвеченные огоньками, красиво выделялись на фоне ночного неба. По ту сторону моста как раз начиналась знакомая мне часть города, делать там было нечего, и я остановился, облокотился на перила и любовался на лениво текущую воду.

Этих строгов я и заметил отражением в реке – тёмное пятно, стремительно увеличивающееся в размерах. Даже то, что это строги, запряжённые в экипаж, я понял, лишь когда они рухнули вниз, подняв фонтан брызг и неистово вереща. Тяжёлая карета утащила их вглубь, не оставляя шансов на спасение. Возможно, они невольно тянулись ко мне, почувствовав на расстоянии, – в отчаянном поиске помощи. Чёрная лобастая башка вынырнула из воды, и я услышал зов – впер-

вые за долгие годы! Умирающее животное умоляло своего создателя.

Прыгнуть вниз было делом секунды. Ещё миг ушёл на то, чтобы нащупать канаты, стягивающие бьющихся зверей, отрастить когти и перерезать упряжь. Две огромные туши рванулись вверх, к поверхности, а я уже выбивал дверцу в поисках пассажира. Человек обнаружился сразу, слабо трепыхающийся, обмякший, но невредимый. Зацепив его, я выбрался наружу и практически выкинул на берег. Послушный мне ветер подхватил его и бережно опустил вниз – насколько можно мягко уложить на камни набережной. Почти сразу я расслышал кашель и сдавленную ругань... жить будет!

Я повернулся к строгам. Вот это да! Это же та самая пара, которой я вчера любовался у ратуши Айгера. Звери казались до смерти напуганными и тряслись, и тем не менее умоляли о помощи. Тот из них, что догадался позвать, опустился на колени, подставляя мне бок с огромной рваной раной. Второй жалобно протянул перебитую переднюю лапу с торчащими осколками костей.

У меня тряслись руки. Ненавижу тех, кто так поступает! Причиняет боль неспособным ответить. Строги созданы таким образом, что подчинение заложено в них изначально. Они никогда не нападают на людей, их не надо ни бить, ни подгонять, в ответ на удар они в крайнем случае зашипят. Сначала занялся более пострадавшим, залечил рану, обнаружив ещё с десятков мелких повреждений. Зверь поскули-

вал от боли, но стоял смирно. После всего он с трудом растянулся на камнях, тяжело дыша. Другой терпеливо ждал, хотя из его янтарных глаз капали слёзы. Ему досталось не так сильно, кроме лапы, у него был лишь слегка обожжён бок и опалён кончик хвоста. Крылья у обоих не пострадали, и это главное. Даже восстановленное крыло не заменит целое, в воздухе такой летун станет неповоротливым и тихоходным, а потому негодным и ненужным людям.

– Повезло вам, строжата! – Я погладил начинающих успокаиваться зверей. – Заклятие в экипаж целили, вас лишь слегка зацепило. Как вы меня нашли, уму непостижимо...

Два шершавых, холодных языка облизали меня, и без того мокрого, выражая полное согласие с моими словами. Затем строги, словно по команде, повернули головы и одновременно встали по бокам от меня – громадные, хребты выше моей головы! Я повернулся посмотреть, что их встревожило.

Человек, о котором я, занятый строгами, совсем позабыл, поднялся на ноги и неслышно приблизился. Он стоял в локте от нас и глядел с таким благоговейным изумлением, словно увидел живое воплощение Бога.

– Ты Святой Берге? – выдохнул спасённый. – А я уже в раю?

– Размечтался, – проворчал я, кляня на все корки судьбу, пути проведения и всех демонов Бездны.

Потому, что передо мной собственной персоной находился будущий король, а ныне – наследный принц Лирии, чьё

имя с таким обожанием твердила леди Гион.

Лорд Тэйри.

Он несмело протянул ко мне руку, желая дотронуться и убедиться, что я ему не мерещусь. Строги тихонько заворчали – до лёгкой дрожи моста. Парень замер. Я потрепал зверей по шеям и застыл. Что дальше? Удирать? Врать? Потоки воды стекали с моих волос на плечи и грудь. Я машинально откинул их назад и отжал одной рукой. По неведомому стечению обстоятельств настоящему Тэйри пришла в голову такая же идея. Он в точности повторил мои действия. Не удержавшись, я улыбнулся. Высокородный робко улыбнулся в ответ. Он сделал шаг навстречу – мне вздумалось то же самое, естественно, мы столкнулись лбами и засмеялись. Наверное, это было следствие пережитого, но мы долго не могли перестать хихикать, кажется, даже строги за спиной повеселели.

Лорд представился первым:

– Тэйри.

– Каэн, – ответил я.

Он подал мне руку, и на сей раз у строгов не было возражений. Его пожатие стало отражением моего – короткое, сильное и уверенное.

– Ты точно не Святой Берге? – переспросил высокородный.

– Был бы Святым – не вымок бы насквозь, – встряхнувшись, я вызвал поток горячего воздуха, суша одежду.

Лорд последовал моему примеру, но провозился дольше.

– Дар надо развивать, – поучительно заметил я. – Владел бы воздухом в полной мере – отразил бы заклинание на подлёте!

– Так ударили исподтишка! – обиженно возмутился парень. – Я даже понять ничего не успел, настолько всё быстро произошло! Строги ревут, падают, тело не слушается...

– Узконаправленное заклинание, – кивнул я, – не убить, а обездвижить. Если труп и найдут – умер при падении. Звери разбились бы в лепёшку, никто ничего не разобрал бы. Как вы до реки дотянули – невероятно! Молодцы, строжата! Твои?

– Подозреваю, что теперь – твои. – Высокородный с улыбкой оглядел две чёрные громадины, ласково склонившие головы мне на плечи. – Ты спас им жизнь. И мне.

– Тэйри, – посмотрел я на него в упор, – ты точно понимаешь, с кем ты разговариваешь?

– Я не глупец, – спокойно ответил парень. – И если ты не Святой, то вариантов нет. Ты не под личиной, и это не морок. Чувствуется даже моя аура... А у нас в Лирии считается, что в Алерии вас не осталось!

– Ошибаются.

– Ка-эн... – Тэйри восторженно протянул имя, словно конфету.

И не было в нём сейчас ни надменности, ни высокомерия. В тусклом свете огоньков цвет глаз плохо различался,

но взгляд был живой и озорной, а ещё – восхищённый и благодарный. И не боялся он ни чуточки, строгов и то сторонился больше!

– Тебе совсем не страшно? – вырвалось у меня.

– Потрогать очень хочется, – смущённо признался парень, – и ауру увидеть – настоящую. Вопросов море... Строги – они целенаправленно к тебе стремились? Это ведь Бахр, правильно? Такой крюк!

– В них силён инстинкт выживания... – Я опять погладил тёплые чёрные бока, – При смертельной опасности они ищут того, кто сумеет помочь... Ты летел из дворца прямо в Шерх?

– Да, собирался завтра, а потом не уснуть было, решил – какая разница! Утром, ночью... Всё уже оговорено, чего тянуть! В Айгер заскочил, летунов поменял и вперёд. Наверно, там меня орхилльцы и засекли... А тебя кто-то попросил изображать меня?

– Нанял. Мы так зарабатываем на жизнь – подменяя за деньги, – слегка вызываясь ответил я.

Лорда насторожило иное:

– Мы? – напрягся он.

– Я работаю в паре с другом.

Тэйри кивнул. Покосился вниз на реку, где затонул экипаж, огляделся кругом:

– Каэн, прости за дерзость... Но я должен сказать. Я не верю в случайности. Нет, это я не о том, что ты причастен

к этому покушению, не подумай! Только нас не зря судьба свела. Я неожиданно полетел, ты здесь оказался... да ещё в моём облике! Жизнь мне спас. Смешно говорить, насколько я тебе признателен, ещё глупее просто поблагодарить и расстаться...

Он запнулся и замолчал, уставившись на меня, подыскивая слова или собираясь с духом. Я не торопил.

– Не думаю, что эта попытка меня убить – последняя. И помощи мне больше просить не у кого, так получилось... долгая история.

Парень тихонько вздохнул и выпалил:

– В общем... Каэн, не бросай меня!

Мне очень захотелось броситься самому. В реку. Или в Бездну.

Второй раз в жизни! Слово в слово!!

Вот уж точно – судьба...

* * *

Стражник, неповоротливый и неуклюжий, проволол меня по коридору и грубо швырнул в полутёмную камеру. Цепь, за которую он меня тащил, прилетела следом, больно ударив по спине. Боится дотрагиваться руками, урод!

– Тварь к твари, – прорычал этот зверь в человеческом облики, – вместе сдохнете!

Я мстительно усмехнулась. Под коркой крови всё равно

не видно. Вам невдомёк, но я способна сбежать в любой момент. Только зачем мне, чтобы потом за мной гонялись и искали? Убьёте – успокоитесь, а я спокойно себе продолжу жить. Ничего, гадёныш, сейчас я отдохну и восстановлюсь, потом вы меня казните, а после я вас навещу. Жаль, не могу отплатить той же монетой... но что-нибудь придумаю обязательно!

Первым делом я стряхнула цепи и осмотрелась. Камера смертников идеально готовила к переходу в лучший мир. Тем, что каким бы он ни оказался, в нём всяко будет лучше, чем в этой крохотной, шесть на шесть локтей комнатке с единственным узким окном под потолком. Ни кровати, ни удобств. Даже ведра не поставили, сволочи! Самим-то потом убирать не противно? Хотя, судя по запаху, чистоту здесь не наводили давно. На каменном щербатом полу – охапки старого сена, в углу под окном – куча грязных тряпок.

Подошла поближе, нагнулась... и обомлела. Куча рваньи дышала. Еле слышно, с трудом, с хрипом и кровавыми пузырями... Я застонала от ярости. Мерзавцы, палачи, чудовища! Люди... Звери и то не мучают жертвы, сразу перегрызают горло!

Опустившись на пол, я попыталась прощупать ауру. Получалось плохо, меня мутило от голода и слабости. Но существо, кем бы они ни было, умирало, и я стала делиться крохами силы, беря её, откуда придётся – из жухлой травы, из камней, из тусклого света... Теперь я надеялась, что меня

продержат здесь подольше, чтобы успеть помочь, оттащить от края Бездны.

Солнце почти зашло, когда я услышала слабый стон. Словно заснул новорождённый мер. Нагнувшись, я приоткрылась. Рука, такая прозрачная, что казалась бесплотной, еле шевелилась, глаза под ключьями серой пакли волос пытались сфокусировать на мне мутный взгляд.

– Кто... ты?

– Каэн. Я тебе помогу. Скажи, где болит?

– Везде...

Он был настолько избит, что под слоем грязи синяки превращали тело в одно сплошное фиолетово-багровое пятно. Я плюнула и потянулась к резерву. Опасно, после казни могу не собрать себя... Демоны, будь всё проклято! Ему нужнее...

– Каэн... спасибо...

Чтобы скрыть слёзы, я отвернулась.

– За что тебя так?!

– Я – винари...

Вздвогнув, я взгляделась. Спутанная пакля при богатом воображении могла стать снежно-белой великолепной гривой, но цвет глаз, затянутых плёнкой гноя, был неразличим, лицо в кровоподтёках превратилось в страшную маску. Жутко было представить, что могли сделать с совершенным телом... самое меньшее – надругались, о прочем я запретила себе думать.

– Сколько ты здесь?

– Не знаю...

– Тебя кормили? Давали воду?

– Нет...

Он вдруг затрясся, попытался рвануться ко мне:

– Моё имя Лейк! Каэн... я боюсь умирать...

Мне хотелось обнять его и успокоить, но я знала, что любое прикосновение причинит ему боль. Я лишь погладила его по щеке, той, где остался кусочек чего-то, похожего на кожу:

– Никто не умрёт, Лейк.

Он всё-таки умудрился чудом дотянуться и, дрожа, привалился ко мне, ища спасения от страха и одиночества. Я взглянула вверх: свет в окошке совсем померк, то, что я видела, было лишь уникальной особенностью моего зрения. Для винари я сливалась с темнотой, и он пытался прижаться ко мне... я же ревела, как девчонка, которой сейчас и являлась.

Шаги тюремщиков я различила издалека. Прекрасно!

– Лейк, – заговорила громко и чётко, – слушай меня! Слушай и запоминай! Сейчас я наложу на тебя морок и стану тобой... Нами. Меня уведут. Главное – не двигайся, не шевелись, понял? Повтори!

– Не... шевелиться.

– Потом я приду за тобой. Так быстро, как получится. Но я обязательно приду! Ты понимаешь меня?!

– Да...

Он не видел, но пытался ухватиться, уцепиться слабыми руками:

— Каэн... не бросай меня!

Я накинула один морок, создала другой — свою точную копию и стала винари. Избитым, валяющимся на полу. Палачи не заметили разницы, утащили и меня, и иллюзию. Затем нас казнили. Бо-ольно... не впервой. Лже-мне было не так плохо, её объявили ведьмой и сожгли, не потребовалось организовывать ещё и труп. Мне в облике винари просто отрубили голову... Я очень ругалась, разыскивая её в яме, куда сваливают тела. В тот раз мне повезло. Яма была свежей и неглубокой, мерзавец, который пришёл скидывать новый труп — тупым и здоровым. В его теле я пришёл за Лейком, вытащил юношу из тюрьмы города Пехта, проделал путь до ближайшего села — на разрывы пространства сил не хватало — и только там услышал указ Фернара о равных правах для всех разумных рас. Сам я предпочёл осторожничать, а вот винари я мог уже не прятать, спокойно найти жильё и заняться лечением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.